

Аль Наталья Зареченская хроника: Зеркальный

<https://litres.ru/73977618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лука, он же Никанор Иванович, бывший советский инженер и учитель, за год превратился из чудаковатого парня в уважаемого мастера. У него есть зеркала, которые покупают бояре, печи, которые не копят, и мечта, которая вот-вот сбудется: на пустыре за огородом начинают расти стены первой в округе школы.

Но чем выше поднимаются брёвна, тем сильнее сопротивление. Боярин Илья не хочет терять власть над селом. А Варвара, дочь Ильи, которую Лука успел полюбить, вот-вот станет женой другого.

Чтобы спасти школу и добиться права на любовь, Луке приходится доказывать: его знания — не колдовство, а наука. Он строит, учит, печатает первые буквари и раз за разом доказывает свою правоту. Но когда кажется, что всё налаживается, судьба наносит удар, о котором он не мог даже подумать.

Вторая книга — о строительстве не только школы, но и новой судьбы. О том, как титул не делает человека, а дело — делает. И о том, что за счастье приходится платить.

Содержание

Глава 1. Весна	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Аль Рудхи Наталья Зареченская хроника: Зеркальный

Глава 1. Весна

Весна. Снег осел, заструился ручьями, зазвенел капелью с крыш. Воздух сделался влажным и звонким, пахло оттаявшей землёй и берёзовым соком. Лука стоял на крыльце мастерской и смотрел, как солнце обливает золотом поломанный навес — тот самый, которого боярин Илья разорил в феврале. Теперь навес был заново сколочен, шире прежнего, с крепкими столбами и новой тёсовой крышей.

— Фёкла, — крикнул он, не оборачиваясь. — Как там букварь?

— Первая страница готова! — донёсся из мастерской радостный голос. — «А» и «Б» уже отпечатали.

Лука улыбнулся. За месяц они восстановили всё, что разрушил боярин. Станок вернули из церковной подклети, литеры переплавили и отлили заново — часть сохранилась, часть пришлось делать новые. Девушки работали не покладая рук. Теперь их было четверо: к Фёкле, Ульяне и Анисье добавилась Марфа, тихая и смышлёная девочка, дочь кузне-

ца Пахома. Бумагу делали теперь не только для книг, но и для черновиков.

А неделю назад прискакал гонец от боярина Ильи. Молча положил на стол тяжёлый кошель и уехал. Лука развязал — внутри оказалось двести серебряных монет. Штраф, которого князь присудил боярину за разорение мастерской. Боярин заплатил, но без единого слова, без поклона. Лука понял: это не мир, это откуп. Илья затаился, но не простил.

— Что ж, — сказал тогда Добрыня. — На эти серебряники мы школу и построим.

— Не только на них, — ответил Лука. — Свои тоже добавим. Надо будет снова зеркала продать на весенней ярмарке.

Теперь, в начале апреля, когда земля уже оттаяла на пригорках, Лука решил созвать народ.

В полдень, когда солнце поднялось повыше, у колодца собралось всё село. Лука стоял на старом срубе, чтобы его было видно и слышно. Рядом — Добрыня, Гаврила-плотник, Пахом-кузнец. Бабы толпились с краю, подоткнув подола. Мальчишки взобрались на забор. Ванька Рыжий сидел на самой высокой жерди и болтал ногами.

— Люди хорошие! — начал Лука, оглядывая толпу. — Осенью мы с вами печи ставили, кирпичи лепили, бумагу делали. Зимой князь дал добро на школу. Теперь пришло время строить.

Он развернул большой лист бумаги — чертёж, над которым просидел все мартовские вечера. На листе были нари-

сованы линии, квадратики, стрелки. Народ загудел — не все понимали эти закорючки.

— Ты по-человечьи скажи, — крикнула баба Ульяна, та самая, что когда-то обвиняла Луку в колдовстве, но после схода с зеркалом притихшая. — А то намалевал непонятно что.

— Скажу, — кивнул Лука. — Школа будет в два этажа. Бревенчатая, тёплая, с большими окнами, чтобы детям светло было читать.

Он повёл пальцем по чертежу:

— На первом этаже — столовая и кухня. Чтобы дети не бегали по домам обедать, а ели прямо в школе, горячее. Дальше — коридор. И четыре кабинета. В каждом кабинете будут учиться по десять-пятнадцать детей.

— А кто их учить-то будет? — спросил кто-то из мужиков.

— Я, — ответил Лука, — Дальше, на втором этаже — четыре комнаты для приезжих учеников. Из соседних деревень тоже дети будут приезжать, им где-то нужно ночевать. И две комнаты для учителей — для меня и для второго учителя.

— А печи? — спросил Гаврила, который уже вошёл во вкус печного дела. — Топить чем будешь?

— Две печи на первом этаже. Одна — на кухне, для готовки. Вторая — будет стоять в стене между двумя кабинетами, чтобы грела оба сразу. Половина печи в одном кабинете, половина — в другом.

— Хитро, — усмехнулся Пахом. — Дрова экономить.

— Именно, — кивнул Лука. — Для этих печей нужно снова лепить кирпичи. Мальчишки наши — Ванька и его ватага — займутся этим. А глину будет возить отец, Добрыня.

Ванька на заборе выпрямился и важно кивнул. Его ватага заулюлюкала.

— Кроме самой школы, — продолжал Лука, — мы разобьём участок. Справа от школы — дровник и курятник, чтобы свои яйца были. А вокруг школы — огород. Ученики будут сами сажать овощи: репу, капусту, морковку, лук. И садовые деревья — яблони, груши. Так они и ремеслу научатся, и себя прокормят.

Толпа зашумела. Это было ново — чтобы дети сами себя кормили. Но мужики задумались, бабы переглянулись.

— А кто строить-то будет? — спросил кузнец Пахом. — Ты один не справишься.

— Все вместе, — ответил Лука. — Кто бревна привезёт, кто крышу кроет, кто печи кладёт. Платить будем — серебром из боярского штрафа и из нашей прибыли от зеркал. Но без ваших рук не обойтись.

Мужики загалдели. Кто-то сказал, что у него посевная на носу, кто-то — что он не умеет строить. Тогда вперёд вышел Гаврила:

— А я умею. И Добрыня умеет. И плотников мы обучим. Дело нехитрое — бревно на бревно.

Пахом ударил кулаком по воздуху:

— Я за! Мои подмастерья помогут с железом — скобы, петли, гвозди. Всё сделаем.

— А мы? — подал голос Ванька с забора. — Кирпичи налепим, сколько скажете.

Лука улыбнулся. Мальчишки были его надёжной опорой.

Но тут вперёд вышла Ульяна — не та, что помогала с бумагой, а её тёзка, злопамятная баба с острым языком.

— И что это вы, мужики, радуетесь? — спросила она, подбоченившись. — Девоч наших в школу тащите, учить их собрались. А кто их замуж-то возьмёт? Учёную девку никто не возьмёт — она и работать не захочет, и детей рожать раздумает.

Несколько баб закивали. Марья, мать Луки, покраснела, но промолчала.

— Это вы зря, Ульяна, — сказал Лука твёрдо. — Грамота не мешает быть хорошей женой и матерью. А даже помогает — детей научить, в хозяйстве расчёт вести, письмо мужу написать, если он в отъезде.

— А ты откуда знаешь? — не сдавалась Ульяна. — Ты сам ещё не женат, детей нет.

Лука сдержал улыбку. Мысль о Варваре кольнула где-то под рёбрами.

— Знаю, потому что учился. И вас научу. Хотите — приходите на вечерние уроки, когда школу построим. Для взрослых отдельные занятия сделаем.

Кузнец Пахом хлопнул себя по ляжкам:

— А что, бабы, дельное говорит парень! Я б и сам почитал — умею только зарубки на дверях ставить. А книжка — она интересней должна быть.

— Вот видите, — сказал Лука. — И мужики хотят. Так что давайте не ссориться, а дело делать.

Бабы заворчали. Ульяна махнула рукой и отошла в сторону. Её переспорить было трудно, но Лука знал: когда школа откроется и первые ученицы начнут читать, она же первой и приведёт внуков.

Главный разговор был с мужиками. Они молчали, переминались с ноги на ногу. Наконец, староста Пахом вышел вперёд.

— Лукьян, — сказал он, потирая затылок. — Дело твоё хорошее. Но весна на носу. Посевная через три недели. Мы все — крестьяне, земля кормит. Пока не посеем — строить не сможем.

Лука кивнул. Он понимал.

— Сколько вам нужно времени на посев?

— Недель пять, — ответил староста. — До конца мая.

— А потом?

— А потом поможем. Всея деревней. Бревна свезём, стены поднимем. Только ты уж нас не гони, дай отдохнуть в воскресенье.

— Дам, — пообещал Лука. — И платить буду. Обидно не будет. Всем заплачу серебром по пять монет за день.

Мужики переглянулись. Плата — это серьёзно. Значит, не

барщина, а работа за деньги.

— Договорились, — сказал староста, и остальные закивали.

Лука вздохнул с облегчением. Не всё сразу, но начало положено.

Бабы потянулись к домам, мужики закурили самокрутки у колодца, обсуждая новости. Лука остался стоять на срубе, глядя на чертёж.

— Ну что, сын, — подошёл Добрыня. — Теперь до конца посева ждать?

— Нет, отец. До конца посева мы сами фундамент заложим, кирпичи наделаем, бревна приготовим. А как посевная кончится — враз стены поднимем. Успеем к осени открыть.

— А учителя? Второго-то возьмёшь? Один не справишься.

Лука задумался. Он посмотрел в сторону мастерской, где девушки возились с бумагой и станком. Анисья вышла на крыльцо, вытирая руки о фартук.

— Может, она, — сказал Лука тихо. — Анисья. Смышлёная, тихая, грамоту к осени выучит. И книжки печатать умеет. Научится сама — будет учить других.

Добрыня усмехнулся:

— Девка-учительница? Ульяна загрызёт.

— Ульяну мы переживём. Лишь бы князь не передумал.

Они пошли к мастерской. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени ложились на только что оттаявшую землю.

В лужах отражалось чистое весеннее небо. Лука подумал о Варваре — увидит ли она эту школу? Придёт ли когда-нибудь? Или боярин Илья запретит ей даже приближаться?

Он потрянул головой, отгоняя мысли. Сначала дело. А всё остальное — потом.

В мастерской девушки перекликались:

— А, Б, В... Г, Д, Е...

Первые страницы букваря пахли свежей типографской краской и обещали новую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.